

П. М. КРИМЕРМАН

<О Н. С. Хрущеве>

«Мне хочется рассказать о некоторых малоизвестных страницах жизни НС. Хрущева, его взглядах на события в стране, о его размышлениях и некоторых увлечениях, например, фотографией. Часто бывая на даче Никиты Сергеевича и Нины Петровны, я наблюдал за жизнью и бытом этой доброй, очень скромной, удивительно человеческой семьи.

Некоторые мои знакомые, друзья спрашивают: «Сейчас о Хрущеве часто пишут, рассказывают о его государственной и партийной деятельности, выставляют его солнечные и теневые стороны. А каков твой взгляд на этого неординарного человека, с которым ты общался много лет?»

Что ответить? Не буду судить в деталях о нем как о большом политике, крупном государственном деятеле, каковым он, безусловно, являлся. Могу только сказать, что Никита Сергеевич принадлежал к числу людей чрезвычайно сильных духом. Человек — самородок, он обладал огромной притягательной силой и был очень эмоциональным. С ним всегда было интересно: интересно слушать его постановку вопросов, вдумываться в видение его жизни, в его сомнения по поводу тех или иных событий и явлений. В нем все импонировало — доброта, смелость, мудрость, решительность, простодушие, доверчивость.

Никита Сергеевич любил носить украинские рубашки, слушать народные песни. Он не курил и не пил. Говорю об этом с единственной целью — опровергнуть бытующие в определенных кругах слухи о пристрастии Хрущева к горячительным напиткам. В домашней обстановке я этого ни разу не видел. Да и на приемах, где мне приходилось бывать, он редко мог выпить бокал шампанского.

Одевался он всегда скромно, к еде был непривередлив. Любил читать. Мои первые впечатления о нем и все последующие

не изменились и по сей день. Если я приезжал на дачу со своими детьми, то, когда наступало время обеда, Полину и Игоря Никита Сергеевич или Нина Петровна усаживали около себя и следили, чтобы они все попробовали, спрашивали, вкусно ли. Готовили еду прекрасные повара, люди, преданные семье по сей день — Анна Григорьевна Дышкант и Анна Егоровна Гудакова. К несчастью, Анна Егоровна несколько лет назад ушла из жизни.

В последний год своей жизни Никита Сергеевич стал грустным, мало улыбался. Но до самых последних дней он сохранил блестящую память, вспоминая до мельчайших подробностей различные эпизоды, имена и фамилии людей, с которыми общался. Он любил людей и хотел им добра...

Я уже говорил о таком увлечении Никиты Сергеевича как фотография. Его приобщение к фотоискусству происходило на моих глазах. Порой мы вместе выходили на натурную съемку. Бывало, увидит что-то интересное и спрашивает, какую поставить экспозицию, хотя у него был и экспонометр. Я называю. Он ставит, но тут же делает кадр и с такой экспозицией, которую выбрал сам. Частенько та, которую он выбрал сам, оказывалась лучше. И еще одно его качество не могу не отметить — наблюдательность.

В этой связи вспоминается такой эпизод. В 1969 году для магазина «Юпитер» на Калининском проспекте, который входил в объединение «Кинофотолюбитель», по заказу Министерства внешней торговли финские специалисты изготовили с рекламной целью глобус. Большая модель вращающегося земного шара с желтыми материками и голубой водой, с мигающими глазками-лампочками, указывающими страны, куда экспортируются советские кинокамеры и фотоаппараты, привлекали всеобщее внимание. Люди останавливались у витрины, а затем заходили в магазин познакомиться с товаром или сделать покупку. В общем, реклама привлекала.

И вдруг по поводу этой самой рекламы нагрянула комиссия. Оказывается, один бдительный покупатель узрел в желто-голубой (суша-вода) окраске неуважительное отношение к нашей стране, которая никак не была обозначена. Об этом тот же покупатель написал грозное письмо в ЦК. Тут же было приказано срочно закрасить на глобусе территорию СССР красным цветом. Пришел молодой человек с ведрком, представился художником и заявил, что будет «исправлять ошибку» на земном шаре. Меня, правда, удивило, что «исправлять ошибку» он собирался, не имея на руках географической карты. Я его об этом спросил, но он, не задумываясь, ответил: «Я патриот своей Родины и ее границы знаю на память». Память, как оказалось, подвела молодого человека.

А узнал я об этом... от Никиты Сергеевича. Как раз в те дни он приехал ко мне. Увидел витрину и попросил: «Сделай мне на память снимок этого глобуса». Просьба эта была выполнена, и я отправил ему цветную фотографию. На следующий день раздался телефонный звонок: «Петр Михайлович, там в глобусе напортачили. Вы прилично заехали за границы Советского Союза. Поправить бы надо...» Вскоре нагрянула в магазин группа китайцев и в довольно резкой форме попросили ответить: «На каком основании СССР прихватил часть чужой территории?» Но первым эту ошибку — причем на небольшой фотографии — обнаружил Никита Сергеевич.

Повторюсь, что слушать Никиту Сергеевича было чрезвычайно интересно. Естественно, что такая возможность у меня стала большей, когда он находился на пенсии. Много он пересмотрел, о многом сожалел и каялся, многим возмущался. Не стыдился признавать и свои ошибки. «Уже сейчас, находясь на пенсии, — как-то заметил он, — я прошел большой университет. Много переосмыслил».

А однажды вечером, прослушав по радио передачу «Голоса Америки», он сказал: «Не все верно передают. Но есть горькая правда. Поразительно, как точно они все знают. Даже я, в свое время информированный человек, и то порою был менее осведомлен». Я попытался возразить, сказав, что их разведка, мол, работает. Он посмотрел на меня прищуренным взглядом и довольно резко ответил: «Какая, к черту, разведка. Это элементарное умение анализировать факты, знание экономики, трезвый взгляд на вещи».

В другой раз зашел у нас разговор об искусстве, о живописи и как-то само собой всплыло на поверхность очень большое для Хрущева событие — посещение в 1962 году выставки в Манеже. Если бы кто слышал, с какой горечью и болью вспоминал он ту печально известную встречу, корил себя. Перед обиженными им людьми он впоследствии тоже извинился. Так мог поступить только честный мужественный человек.

Он считал себя достаточно подкованным в политике, экономике, сельском хозяйстве, даже в дипломатии, но уж никак не в литературе и искусстве. Хотя реалистическую живопись Никита Сергеевич знал. Помнил картины Серова, Пластова, Кибрика, Чуйкова, Айвазовского, Левитана, Репина. И если бы не советчики да и просто случайность, никогда не полез бы Хрущев в подобные споры в Манеже. «Уговорили меня тогда "соратнички", — сетовал он, — наболтали черт знает что, а я поддался. Ведь, если честно признаться, я не очень-то разбираюсь в тонкостях художественного творчества. Вот и совершил непростительную ошибку». Говорил эти слова Никита Сергеевич с нескрываемой досадой.

Поймите меня правильно, не считайте, что я идеализирую Никиту Сергеевича. Были у него и крупные ошибки, и серьезные заблуждения. Да и у кого их не бывает. Тем более, что начинал он один сразу после сталинских «вывертов».

Как-то незадолго до смерти Никита Сергеевич сказал мне: «А ты знаешь, Сталин все-таки был не только жестоким, но и большим человеком». «Чем же он большой?» — удивился я. «Ну не могли же все так заблуждаться», — отвечал он. «Побойтесь Бога, Никита Сергеевич. Вспомните свой доклад на XX съезде партии. Ведь вы спасли миллионы людей от гибели, от сталинского беззакония. Вернули им честное имя», — возражал я. «Все это так, — соглашался Хрущев, — но Сталин был очень хитер...» Знал Никита Сергеевич о жутких преступлениях «великого вождя» и все же так оценивал его.

Недалеко от дачи в Петрово-Дальнем, где жил пенсионер Н. С. Хрущев, есть дом отдыха. Никита Сергеевич любил ходить туда. Тянуло его к людям. Вот, как-то раз мы вышли, моросил дождь. Идем. Охрана рядом. Вдруг смотрим — на пеньке сидит женщина. Увидела Хрущева и кинулась к нему: «Никита Сергеевич, я вас третий день жду! У меня такая беда, я хочу с Вами посоветоваться. Мой единственный сын — студент, его выгнали из института. Якобы он что-то у кого-то украл. И дело уже ведется. Но я-то знаю, что сын не мог этого сделать. Как же быть, никто мне не хочет помочь. К кому обратиться?»

«Ну чем же я могу Вам помочь, — отвечает Хрущев. — Я же пенсионер».

«Но Вы такой добрый, отзывчивый, — продолжает она. — У нас в доме отдыха все говорят, что Вы справедливый». Тогда Хрущев повернулся ко мне и говорит: «Послушай, если меня не забыл товарищ А. в Прокуратуре СССР, подойди к нему с этой женщиной и если все так, как она говорит, попроси от моего имени помочь человеку. Пусть разберутся по справедливости».

Я выполнил просьбу Хрущева, а вскоре и женщина пришла ко мне и сказала, что все в порядке. Сын ее действительно оказался не виноват, и его восстановили в институте. «Передайте Никите Сергеевичу мой низкий поклон и большую благодарность», — сказала женщина. — Я сама хотела ему это сказать, да, видно, народ от него охраняют и не гуляет больше он здесь». Я при случае рассказал об этом Никите Сергеевичу. Он только и ответил: «Ну и слава Богу». Но как-то посветлел, посмотрел на меня, еще раз сказал: «Спасибо». И все. Больше к этой теме не возвращался.

Барства, снобизма у Хрущева не было никогда: ни до, ни после 1964-го года. Говоря все это, я допускаю, что нахожусь под оба-

янием этого человека, ибо всегда видел в нем в основном добрые начала и, наверное, мне трудно быть объективным. Замечу лишь, что тех крупных человеческих недостатков, о которых иногда слышишь, я в нем не усмотрел.

Иногда Никита Сергеевич нет-нет да и возвращался к разговору о страшном времени 37–38 годов. И хотя Сталина, как я уже говорил, он считал «большим», о делах сталинских говорил с гневом, да и себе многое не прощал.

Как-то на даче по поводу одного из моих неудачных высказываний Хрущев съязвил: «Впереди паровоза все же не следует бежать». И стал рассказывать следующую историю: «Рассматривали мы один материал на репрессированных в Колыме. И был там человек по фамилии Шайкин. Его реабилитировали...»

Как только Хрущев произнес эту фамилию, я тут же вспомнил довоенную «коммуналку» неподалеку от Белорусского вокзала и этого самого Шайкина, который исчез в 1937-м. Но я Хрущева не перебил и стал слушать дальше. «Так вот, этого Шайкина посадили по его собственной инициативе, пробежался впереди паровоза — написал покаянное письмо Сталину. Он сознался, что имел неосторожность неуважительно отозваться от Сталине, за что извиняется и уверяет, что о Сталине он самого высокого мнения. Как только он вместе с женой сочинил это письмо и отправил, его через несколько дней арестовали». Я говорю: «Никита Сергеевич, я знал этого Шайкина, мы жили в одной квартире». «Ну, вот, видишь, — сказал Хрущев. — Не поторопился бы он со своим покаянным письмом, глядишь, все и обошлось бы».

Этот наш сосед был технарь, жил на улице Правды, работал на авиационном заводе и умел хорошо рисовать. Причем, рисовал огромные портреты Ленина и Сталина. И вот как-то накануне Первомая у него было застолье. Собрались гости, а весь коридор был уставлен этими огромными портретами, которые он готовил по заданию парткома для демонстрации. Гости было много — человек 30–40, все подвыпили, и кто-то его спросил: «Коля, кого ты больше написал — Сталина или Ленина?» А Шайкин спяну возьми и брякни: «Сейчас выгоднее рисовать живого пса, чем мертвого льва». Точно фразу я сейчас уже не помню.

На другой день его жена Шура с утра начала бушевать: «Ты помнишь, что вчера наговорил? Ведь кто-нибудь из гостей может донести. И Шайкин с женой написали то самое покаянное письмо, после которого его вскоре сослали на Колыму. Но самое поразительное, что никто из гостей Шайкина на него не донес. И вскоре всем гостям тоже выпали разные сроки за молчание. За то, что не донесли...

В начале июля 1969 года партийно-правительственная делегация ГДР пригласила меня на прием в честь советских руководителей в Дом приемов на Воробьевском шоссе¹. Там было много разных людей — и представители интеллигенции, и деловые люди. Были и руководители СССР — Брежнев, Косыгин, а от ГДР — Ульбрихт и Штоф. Прием шел достаточно интересно. Мое место было близко от стола президиума. Я не только слушал выступления руководителей обеих стран, но и фотографировал. Многих приглашенных я знал лично, они подходили ко мне, и мы беседовали.

Вдруг ко мне подошел Брежнев, с которым меня познакомили в свое время. Он поздоровался и спросил меня, много ли сделал фотографий. Я сказал, что заканчиваю пленку и, если его интересует, могу ему прислать отпечатки. Не ответив на этот вопрос, он вдруг спросил меня: "Что ты делаешь с Хрущевым, о чем с ним беседуешь, чему учишь?" Я рассказал, что Никита Сергеевич очень увлекается фотографией, что у него хорошо получается и что снимает он в основном природу». И вдруг Брежнев говорит: «Ты не переусердствуй, не перегибай!»

Спустя несколько дней я был у Хрущева на даче. Показал ему снимки с приема и рассказал о беседе с Брежневым. Никита Сергеевич вдруг насупился, отошел от меня и сказал: «Станный человек, ну чего он меня боится? Я и так со всех сторон обложен его людьми и микрофонами. Даже в туалете по-настоящему расслабиться неудобно...»

У меня есть снимок, где Нина Петровна стоит у портрета Хрущева, обрамленного траурной рамкой. Перед портретом на подушечке все награды. Фото имеет свою печальную историю. Я сделал его почти сразу же после похорон Никиты Сергеевича, когда поступил устный приказ от Брежнева: «Все награды Хрущева сдать!» Выходит так, что «героический» генсек ревновал даже мертвого Хрущева и пошел на явно незаконную акцию, отобрав у вдовы награды покойного.

Хрущев очень сожалел о том, что не удалось сделать многое и закончить начатое. Я помню, например, что он был недоволен раздутыми до невероятных размеров штатами министерств, сожалел, что не проявил настойчивости в их сокращении. Сожалел и о том, что не удалось до конца сломать командно-бюрократические методы управления.

С началом перестройки имя Хрущева начало «выплывать» на страницах печати. О нем заговорили и политики, и историки, и военные деятели. Кстати, среди тех, кто оценивал деятельность Хрущева крайне негативно, чаще всего были именно военные деятели. Они «поминают» ему решение о сокращении армии и флота,

предпринятое в мае 1960 года, которое, по их мнению, привело к полному их разрушению.

Вспоминается давний разговор с Никитой Сергеевичем о военно-морском флоте. Хрущев отстаивал ту точку зрения, что Советский Союз должен пойти на резкое и значительное сокращение численности кораблей. При этом он считал, что вновь строящиеся военные суда (как надводные, так и подводные) должны оснащаться новейшим оружием. Хрущев говорил, что мы имеем избыточное число военных кораблей, что содержание такого большого флота Советскому Союзу никогда не будет под силу. Он неоднократно подчеркивал, что в строительстве флота СССР никогда не угонится за Соединенными Штатами. Говоря о сокращении флота, Хрущев не имел в виду уничтожение кораблей, а предлагал переоборудовать их в пассажирские, чтобы в дальнейшем использовать для туризма и отдыха. Однако в этом вопросе он не нашел поддержки генералитета. Эти споры привели, в частности, к отставке прославленного Адмирала флота СССР Николая Кузнецова, не пожелавшего смириться со взглядами Хрущева².

В конце августа 1968 года я был в Чехословакии и оказался невольным свидетелем ввода туда войск Варшавского Договора. Вернувшись в Москву, я день или два не ходил на работу. В это время раздался телефонный звонок. Звонил Н. С. Хрущев. Он спросил меня, почему меня долго не было дома и почему я ему не звонил и не приезжал. Я сказал ему, что был в Чехословакии и пообещал в ближайшее время к нему приехать и рассказать о своей поездке. И вдруг Никита Сергеевич говорит мне, что он приедет ко мне сам — его очень интересуют мои впечатления.

На следующий день я вышел на работу. Вскоре ко мне заехал Юрий Никулин. День был загружен — я вел переговоры с двумя представителями чешской фирмы «КОВО» о закупке различной кинофотоаппаратуры. Вдруг входит секретарь и докладывает, что посетители неожиданно побежали к входным дверям — там происходит нечто непонятное. Неожиданно открывается дверь в кабинет, входит чекист и за ним Никита Сергеевич. Он был в сером костюме при орденах. Настроение его было бодрое. Другой чекист остался у секретаря в приемной.

Я представил Хрущеву Никулина и чехословацких коллег. Завязалась беседа. И вдруг Никита Сергеевич стал говорить чехам о своем крайнем возмущении тем, что наше правительство отдало команду войскам войти в Чехословакию. Он буквально кипел и говорил, что у нас уже есть кровавый опыт с Венгрией, что это безумие, что нынешние руководители СССР просто глупцы. Я не знал, куда мне деваться — вся наша пропаганда твердила

о том, что «исполнен долг», все сделано правильно и было вызвано «объективной необходимостью». Я боялся, что вследствие того, что в кабинете был охранник, которому вменялось в обязанность неотступно следовать за Никитой Сергеевичем и докладывать о нем «наверх», будет плохо и мне, и Хрущеву, и особенно моим чехословацким друзьям. Но я заметил, что как только начались наши разговоры, охранник тихо и незаметно вышел из кабинета — он, видимо, не хотел «докладывать»...

Много грехов, которые ему приписывали — на совести других людей. Взять вопрос о кукурузе. Ведь это дело было не доведено до конца. А саму идею дискредитировали головотяпы, которые ради успешного рапорта готовы были сажать кукурузу даже на Северном полюсе.

А жилищное строительство? Как бы мы не потешались сегодня над «хрущобами» — пятиэтажки приютили миллионы людей из подвалов и коммуналок. И ведь по замыслу Хрущева этим пятиэтажкам был отведен срок в 15–20 лет. К тому времени стройиндустрия по его планам должна была набрать такие обороты, что все бы мы жили сегодня в благоустроенных квартирах. А как много он сделал в области освоения космоса. Он же инициатор освоения целины.

За несколько месяцев до своего рокового часа он вдруг и говорит (потом это стало крылатой фразой): «Помру я... Положат люди на весы дела мои. На одну чашу худые. На другую — добрые... И добро перетянет...»

